

УДК 902/904

ББК 63.3

Д 73

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ  
ПО АРХЕОЛОГИИ РОССИИ

№ 7

*Серия основана в 1997 году*

*Утверждено к печати Ученым советом  
Института археологии РАН*

Ответственный редактор серии  
член-корреспондент РАН Р. М. Мунчаев

Ответственные редакторы тома  
кандидат исторических наук В. Г. Петренко  
доктор исторических наук Л. Т. Яблонский

Рецензенты  
д. и. н. В. И. Козенкова  
к. и. н. А. Р. Канторович

Д 73      Древности скифской эпохи: Сборник статей.— М.: ИА РАН, 2006.—  
428 с., ил.

ISBN 5-94375-045-2

Сборник статей, изданный в память классика отечественной скифологии, старейшего сотрудника Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии, Анны Ивановны Мелюковой, составлен из работ коллег и учеников замечательной исследовательницы. В нем также впервые публикуется одна из последних статей самой Анны Ивановны. В книге в научный оборот вводится новый археологический материал скифского времени, который происходит из широкого ареала евразийских степей, освещаются дискуссионные вопросы скифо-сарматской археологии, связанные с этнокультурной историей степного населения скифской эпохи, с типологией и хронологией памятников эпохи ранних кочевников Евразии.

УДК 902/904  
ББК 63.3

Александр  
об авторе  
С. В.

28.12.2006

## LINGUA SCYTHICA AD USUM HISTORICI<sup>1</sup>

**В** изучении скифского языка сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, все дошедшие до нас в той или иной передаче скифские слова и имена тщательнейшим образом проанализированы и для подавляющего их большинства установлены надежные иранские параллели, с другой — лингвисты (а вслед за ними и остальные скифологи), за редкими исключениями, игнорируют наличие фонетических особенностей, характерных именно для скифского, — в отличие, скажем, от сарматского, — что создает почву для необоснованных этимологий, на которых представители других дисциплин строят далеко идущие выводы. Господствующее мнение о скифском языке гласит, что «на современном уровне развития языкоznания установлена только общая иранская принадлежность скифского и сарматского языков. Разделение скифского и сарматского языков, отнесение конкретных слов, имен и т. д. к какому-либо из них невозможно» (Полин, 1992, с. 88). Ниже будет показано, что анализ материала опровергает эту точку зрения, а «междисциплинарное исследование бесписьменного общества, каким по определению является скифское, предполагает овладение основами смежных профессий» (Кулланда, Раевский, 2002, с. 225). Историкам (в широком смысле, включая археологов, социальных антропологов, религиеведов и представителей иных смежных дисциплин), как, впрочем, и лингвистам, занимающимся скифологией, не худо было бы иметь представление о твердо установленных рефлексах общеиранских фонем в скифском, отличающихся от рефлексов тех же фонем в сарматском, что заставило бы отказаться от многих остроумных и соблазнительных, но не выдерживающих научной критики гипотез. Отдельные соображения на сей счет специалисты за последние полвека высказывали неоднократно (Brandenstein, 1953<sup>2</sup>; Грантовский, 1960, стр. 20, прим. 28; Cornillet, 1981a), а в начале 90-х гг. прошлого века польский лингвист Кшиштоф То-

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, грант № 03-01-00053а.

<sup>2</sup> Бранденштейн первым предпринял важный шаг в определении специфики скифского языка, попробовав этимологизировать имена персонажей скифской генеалогической легенды с учетом специфических фонетических особенностей скифского, прежде всего перехода  $d > \delta > l$  (см. ниже). К сожалению, его опыт исторической привязки легенды оказался не слишком удачным (он, например, считал, что скифские  $\gamma\acute{e}u\eta$  связаны со сменявшими друг друга в Северном Причерноморье народами: трипольскими земледельцами [потомками старшего брата], носителями культуры боевых топоров [потомками среднего брата] и собственно скифами [потомками младшего брата]), что представляется, мягко говоря, маловероятным, а потому плодотворная лингвистическая идея не получила развития.

маш Витчак сформулировал сугубо лингвистические (а не основанные на географии, хронологии или сведениях античных авторов) критерии вычленения собственно скифского пласта из общего массива иранской лексики Северного Причерноморья. К сожалению, ни опередившие свое время наблюдения Бранденштейна, Грантовского и Корнильо, ни пионерская работа Витчака не встретили должного отклика в научной среде, да и сами авторы, за исключением Корнильо, насколько мне известно, впоследствии не возвращались к проблеме скифского языка — В. Бранденштейн скорее всего потому, что, как уже отмечалось, его интерпретация легенды о происхождении скифов не получила поддержки, Э. А. Грантовский потому, что, будучи историком, писал прежде всего об истории, К. Т. Витчак, видимо, потому, что, будучи индоевропеистом широкого профиля, переключился на исследование других (в частности, кельтских) языков.

Нет так давно автор этих строк посвятил скифскому языку специальное исследование, уточнявшее и развивавшее выводы предшественников (Кулланда, 2005). К сожалению, оно, как и труд К. Т. Витчака, вряд ли будет востребовано историками, поскольку непривычная терминология затрудняет восприятие и мешает использовать выявленные лингвистическими методами языковые факты для реконструкции историко-культурных процессов — автор, историк по образованию и роду деятельности, испытал это, что называется, на собственной шкуре. Поэтому в настоящей работе я попытаюсь, изложив вкратце современные представления о скифском языке, показать возможность их применения в исторических исследованиях и продемонстрировать, какие из устоявшихся историко-культурных гипотез нуждаются в пересмотре в свете установленных к настоящему времени фонетических особенностей скифского языка.

Описывая язык, исследователи не в последнюю очередь стремятся определить его генетические связи и установить характерные особенности, отличающие его от родственных наречий. В отношении скифского языка, несмотря на значительный прогресс в его изучении, обе эти задачи нельзя считать полностью решенными. Твердо установлена только принадлежность скифского к восточно-иранским, но не его место среди них; разграничить скифский и сарматский (resp. алано-осетинский) удалось лишь недавно (исследование К. Т. Витчака, см. ниже), но и здесь сделано далеко не все.

Проводить различие между скифским и сарматским исследователи пытались давно. Так, М. Фасмер в своем труде «Die Iranier in Südrussland» (Vasmer, 1923) приводил отдельно скифский и сарматский материал (ошибочно относя к сарматским и ряд сугубо скифских лексем). Так же поступили и авторы обобщающего труда по иранской лингвистике «Compendium Linguarum Iranicarum». Однако при этом они руководствовались экстралингвистическими соображениями: хронологией упоминания тех или иных лексем, их географическим распространением, прямыми указаниями античных авторов на принадлежность того или иного имени или слова скифскому или сарматскому языку<sup>1</sup>. До

<sup>1</sup> Насколько опасен такой способ этнической атрибуции ономастического материала, видно на примере известной работы Д. Б. Шелова (Шелов 1974), где некоторые иранские имена из Северного Причерноморья считаются «персидскими», resp. не исконно скифскими или сарматскими, на том лишь основании, что либо сами эти имена встречаются также и в тех регионах иранского мира, где ощущалось персидское влияние, либо родственные им слова отмечены в иных иранских традициях. Так, известное из северопричерноморской эпиграфики имя Ксартан (Ξάρθανος) объявляется «несомненно» персидским (Шелов, цит. соч., с. 89) — видимо, потому (хотя в тексте это не сформулирова-

девяностых годов прошлого века не удавалось выделить комплекс специфических фонетических черт, отделяющих скифские диалекты от сарматских и аланских, хотя на определенные фонетические изоглоссы, характеризующие хронологически и/или географически различающиеся диалекты, обращали внимание Абаев, и Харматта, и Згуста (1955), и Бильмайер. Дело в том, что все дифференцирующие признаки вынужденно вырабатывались на материале северопричерноморской ономастики, где не всегда возможно отличить скифские имена от сарматских. Кроме того, все фонетические особенности постулировавшихся диалектов/языков возможно было трактовать и как диахроническую эволюцию одного диалекта/языка. До недавнего времени не существовало бесспорных критериев, по которым то или иное слово можно было бы уверенно отнести к скифскому, а не сарматскому словарному фонду, или наоборот (поэтому *a priori* предполагалось, что скифский язык составлял единую подгруппу с сармато-алано-осетинскими наречиями).

Между тем наиболее убедительный из такого рода критериев был давно и хорошо известен скифологам. Практически каждый, писавший о скифском языке, упоминал о соответствии скифского *Паралатай* — авест. *paraθāta*. Сходство это было замечено еще в середине XIX в.<sup>1</sup>, до того, как Дж. Дармстетер впервые отметил, что переход  $d > \delta^2 > l$  является специфической особенностью юговосточноиранских языков<sup>3</sup> (хотя спорадически слова, демонстрирующие этот переход, встречаются и в иных восточно- и западноиранских языках — ср. ниже).

В дальнейшем эту изоглоссу, объединяющую скифский язык, с одной стороны, и юговосточноиранские языки, а именно бактрийский, афганский (пашто, пушту), мундханский, йидга — с другой<sup>4</sup>, время от времени отмечали<sup>5</sup>, но

но), что его (в форме *A[g]sartan*) носили кахетинские цари и ширваншахи (Абаев, 1949, с. 189 = 1979, с. 309). Между тем данное имя может быть только сармато-аланским, но никак не персидским, поскольку, будучи производным от иранского \**xšaθta*-«власть», демонстрирует метатезу  $\theta t > r\theta$ , не встречающуюся ни в древне- или среднеперсидском, ни в т. н. мидийском, зато характерную для сармато-алано-осетинского (см. ниже) (отсутствие среднеперсидского перехода *xš- > š-* еще можно было бы попытаться объяснить наличием протетического гласного). Точно так же отмеченное в Танайсе иранское имя *Арнак* (‘*Arnákης*) нельзя причислять к «персидским» (там же, с. 85) только потому, что параллели ему можно найти в авестийском и древнеиндийском.

<sup>1</sup> См., например, Müllenhoff 1892 (1866), S. 112, хотя он и колебался, возводить ли *Паралатай* к *paraθāta* или к авест. *ratu*.

<sup>2</sup> В иранистике греческой дельтой принято условно обозначать звонкий межзубный [ð], сходный с начальным согласным в английском слове *this*.

<sup>3</sup> Darmesteter, 1883, 71, 195–201; Minorsky, 1930. Конечно, переход  $d > l$  время от времени происходил и в иных, неиранских языках — ср., например, латинское *levir* при русском «деверь» или различные варианты имени Одиссея в греческом: ‘*Οδυσσεύς*, ‘*Ολυσσεύς*, ‘*Ωλίξης* (откуда латинское *Ulysses*, *Ulyss*), но регулярным он был именно в юговосточноиранских.

<sup>4</sup> Существует гипотеза, что переход  $d > l$  характеризовал и один из согдийских диалектов, существование которого постулируется на основании косвенных данных, а именно демонстрирующих этот переход персидских слов, для которых предполагается согдийское происхождение, и использования в согдийском письме арамейской буквы ламед (l) для обозначения спирантов δ и θ — cf. Henning, 1939; Livshitz, 1970, pp. 258, 261–263; Sims-Williams, 1981; Idem 1989, pp. 173, 177, с литературой.

<sup>5</sup> Грантовский, 1960, стр. 20, прим. 28; Schmitt 1989. Вопреки мнению Д. И. Эдельман (1986, с. 169) о связи данного перехода в юговосточноиранских языках с ареальными, возможно субстратными, тенденциями, и его относительно позднем возникновении, он засвидетельствован в указанном ареале древнеиндийским топонимом *Bālhika* (т. е. Бактрия, откуда более позднее Балх), который соответствует авестийскому *Bāxdi-* (с суффиксом *-ka*), а также древнеиндийским словом *lipi* «письмо», заимствованным из западноиранского *dipi* (а в конечном итоге из шумерского через эламский и/или аккадский) через диалект, где произошел переход  $d > l$  (Грантовский, 1998, сс. 106–107). Связано данное об-

до недавнего времени никто не делал напрашивающегося вывода и не пытался трактовать все случаи появления *l* в скифском как рефлексы восточноиранского *δ* (и общеиранского \**d*)<sup>1</sup>.

Первым, кто постулировал существование в Скифии особого диалекта скифов царских, где *δ* переходил в *l*, был Э. А. Грантовский (см. выше, прим. 4), который вслед за Бранденштейном (см. выше, примеч. 1) начал этимологизировать скифские имена с учетом этого перехода (ср. его этимологию имени скифского царя Пáлакóс — <\**Rādaka*). Правда, будучи историком, писавшим об истории, он не пытался дать целостное описание скифского языка и (возможно, именно поэтому) был не вполне последователен в своей трактовке скифских языковых фактов. Под непоследовательностью я имею в виду то обстоятельство, что он считал скифскими и слова, где иранское \**d* > *l*, и слова, где иранское \**d* > *d*.

Эту непоследовательность сумел преодолеть К. Т. Витчак, впервые выдвинувший ряд достоверных фонетических критериев различия скифского и сарматского языков. С основным его выводом, согласно которому скифский и сарматский представляли собой не диалекты одного и того же языка, а два разных иранских языка, нельзя не согласиться. Вместе с тем, можно оспорить некоторые из предлагаемых Витчаком фонетических соответствий или их интерпретацию, дополнить его список различий между скифским и сарматским, а также предложить на основании полученных критериев некоторые новые этимологии скифских имен, чему и будет посвящена настоящая работа.

Витчак первым эксплицитно сформулировал тезис о том, что переход \**d* > *l* был отличительным признаком скифского языка, противопоставлявшим его сарматскому, где общеиранское \**d* давало *d*<sup>2</sup>. Этот вывод может быть подкреплен анализом бесспорно скифских имен (см. ниже).

Переход иранских сочетаний \*-*ry*, \**ri* в скифское *ri* и сарматское *li*, о котором вслед за Абаевым и Харматтой пишет Витчак<sup>3</sup>, также является четким дифференцирующим признаком при определении скифской или сарматской принадлежности той или иной лексемы (ср., например, приводимые Геродотом — у которого, в силу хронологических причин, сарматских имен ожидать не приходится — скифские имена собственные Ἀριαπείθης и Ἀριάντας — с сохранением *ri* — с такими сарматскими именами из относительно поздней северопричерноморской эпиграфики как Φλίανος, Φλιμάνακος и т. п., где *-li-* восходит к *-ri-*, что видно хотя бы из сравнения с авестийским именем *Friiana* [Y. 46. 12], не

стоятельство, видимо, с сакским, resp. скифским, происхождением бактрийцев, пуштунов, мунджацев и иидга (см. об этом Marquart, 1901, S. 226 et al.; Грантовский 1963; Он же, 1963а; Он же, 1975; Он же, 1998, сс. 105–109).

<sup>1</sup> Колебания скифологов относительно этой изоглоссы хорошо иллюстрирует высказывание Бильмейера: «Если (курсив мой. — С. К.) мы принимаем всерьез происхождение скифского Паралáтаi < младоавест. *paradāta...*, сохранение интервокального *d* в сарматском и осетинском... становится фонетически дифференцирующим признаком» (Wenn wir die Ableitung skyth. Паралáтаi < j[ung]av[est]. *paradāta...* ernst nehmen, stellt die sarmatische und ossetische Bewahrung von intervokalischen *d* ... ein klares lautliches Differenzierungsmerkmal dar) (Bielmeyer, 1989, p. 240, п. 12).

<sup>2</sup> К сожалению, он, видимо, не был знаком с соответствующими наблюдениями Грантовского и Корнилью, разбросанными по разным нелингвистическим публикациям, и упустил возможность подкрепить свою аргументацию, в частности, предложенной Грантовским этимологией имени Пала-ка и предложенной Корнилью этимологией имени Колаксая (см. ниже).

<sup>3</sup> Они, однако, не отделяли скифский от сарматского и рассматривали упомянутые фонетические особенности либо как архаизм и инновацию внутри одного и того же языка (Абаев), либо как следы более древнего и более позднего диалектов (Харматта).

говоря уже о родственных словах типа русских «приятель; приязнь» или английского *friend*, немецкого *Freund* «друг»).

Правдоподобным представляется и предположение Витчака, что иранский интервокальный \*-š- исчез в скифском (как в современных мундженском и юндга)<sup>1</sup> и дал -š- в сарматском.

Менее убедительны прочие фонетические преобразования, постулируемые Витчаком для скифского. Так, предполагаемый переход иранского \*-rn- (скорее \*-rn-) в скифское -ll- иллюстрируется единственным примером, а именно скифским \**Maspalla* (из предполагаемого иранского \**mas-purna/prna* — «луна полная», ср. авестийское *māh* «месяц, луна» и *rəgəna* «полный», а также сложное слово с другим порядком тех же членов *rəgəna.māh*, «божество полной луны»; при смене порядка членов иранский *s*, оказавшись перед *r*, не должен был перейти в *h*), реконструируемым на основании Меспелл<sup>2</sup> «луна у скифов», согласно Гезихию<sup>3</sup>. Это не означает, разумеется, что данное соответствие следует отнести с порога, но заставляет проявить по отношению к нему определенную осторожность, тем более что нельзя не задаться вопросом, случайно ли сходство Гезихиевой гlosсы и дошедшего до нас в передаче византийского автора Иоанна Цеца аланского слова *μέσφιλι*, означавшего, судя по греческому переводу, «господин» и «госпожа» (об аланских фразах у Цеца см. подробно Абаев, 1935).

С той же осторожностью необходимо отнести и к предполагаемому исчезновению в скифском интервокального иранского \*θ, иллюстрируемому такими примерами, как скифский Nom. pl. \**rāyah* ‘пути’<sup>4</sup>, восстановляемый на основании топонима ’Еξαμπαῖος, который Геродот (IV, 52) переводит ’Ιραὶ ὄδοι, «Священные пути», и скифского \**βaša* ‘превосходнейшая’ < \**vahīθā*, якобы переданного Геродотом в виде -μπατа в имени скифской богини ’Αρτίμ-πατа (Витчак, 1992, стр. 58).

Витчак предположил, что иранское \*w в скифском сохранялось перед передними гласными и полугласными<sup>5</sup> и переходило в b перед задними гласными<sup>6</sup>, тогда как в сарматском оно исчезало перед передними и превращалось в v

<sup>1</sup> Ср. приводимые им примеры: скифское *spau* «глаз» (приведено Геродотом в форме *σποῦ* — IV, 27) < индоевропейского \**spak'su*, иранского *spāzū*; скифское *kararu-* «кибитка» (у Гезихия *καραρύες*) < иранского \**kərəžaru-* — ср. тохарское A *kursär*, B *kwásär* «упряжка», и т. п.

<sup>2</sup> Поскольку в лексиконе Гезихия данная гlosса помещена после *μεσφέρδειν* и перед *μεσπήλα*, Витчак, в соответствии с алфавитным порядком, предлагает конъектуру: Меспелл. Этимология была впервые (в несколько отличной форме — \**mās-prā*) предложена О. Н. Трубачевым, который, однако, считал эту лексему индоарийской (Трубачев, 1999, с. 30 [первая публикация — 1976]).

<sup>3</sup> Второй приводимый Витчаком пример — предполагаемое скифское \**x'alla-* ‘хвала; слава’ < \**x'arnah-*, реконструируемое на основе славянского \**chvala* — не может быть принят, поскольку рефлекс иранского \**x'arnah-* (об истории данного этимона см. подробнее ниже) засвидетельствован в форме -φарν(η)- не только в сарматских личных именах, но и, например, в скифском имени Σαιταφάρνης, зафиксированном в конце III в. до н. э. в Ольвии, где (как, впрочем, и во всем Северном Причерноморье) столь раннее присутствие сарматов не представляется возможным.

<sup>4</sup> Витчак возводит реконструируемое им скифское слово к иранскому *raθi* «путь» (ср. авестийское *raθ*, древнеперсидское *raθr'id*), от которого в древнеиранских языках ожидался бы именительный падеж множественного числа \**raθayah*, давший, согласно Витчаку, после выпадения интервокального -θ- и стяжения двух кратких -a- в один долгий, скифское \**rāyah*. Впервые греческое — πάτοι в составе этонима ’Αργύπταιο, аргиппей) связал с иранским *raθi* Маркварт (Marquart, 1905, S. 88).

<sup>5</sup> Как в скифском \**maluwyat* ‘мед’, имеющем в рукописях Гезихия форму *μελύγου* (с заменой исчезнувшей дигаммы на гамму) (см. Витчак, 1992, стр. 53).

<sup>6</sup> Как в скифском названии Днепра *Βορυσθένης* < \**Varustāna* (Vasmer, 1923, S. 65).

перед задними гласными<sup>1</sup>. И в скифском, и в осетинском, resp. сарматском, наблюдается слишком много исключений из этого предполагаемого правила: можно вспомнить, например, скифское личное имя "Орикоς (Hdt. IV, 78) < \*Warika / Waryaka, восходящее либо к слову со значением «ягненок» (дигорское *wærikkæ 'id'* — Абаев, 1949, стр. 187= Скифо-сарматские наречия, стр. 307; подробнее см. ИЭСОЯ IV, стр. 87–88), либо к прилагательному «лучший; отборный» (авестийское *va'rya- 'id'* — Vasmer, 1923, S. 15), т. е. в любом случае с \*w, не перешедшим в b перед задним гласным, или дигорское *bijun* < \*wi- ‘ткать’ (см. Миллер, 1882, стр. 85; 1887, 157; ИЭСОЯ I, 277), также не укладывающееся в предложенную Витчаком схему, и т. п.

Сомнительна и постулируемая Витчаком регулярность перехода \*s > θ в скифском<sup>2</sup>. Такой переход действительно представлен в скифских именах собственных, например, Σπαργαπείθης (из иранского \*Spargaraša — «Подобный цветку» или «Цветущего вида», ср. ваханское *sprə́y* «цветок», *sprə́ž* «цвести» и авестийское *raēsa-* «украшение», древнеиндийское *rēśas* «форма; вид; цвет»; см. также выше, примеч. 18) и 'Αριαπείθης (< \*Aryaraša («Арийского облика»)<sup>3</sup>, и в ряде осетинских слов, но ни в одном восточноиранском языке этот переход не является регулярным, хотя изредка встречается даже в Авесте (См. GiPh, I, 1, S. 166, § 282, по. 1). Кроме того, поскольку, согласно Витчаку, этого перехода нет в сарматском, а в осетинском он нерегулярен, нам, в соответствии с концепцией польского ученого, пришлось бы считать соответствующие осетинские лексемы заимствованиями из скифского. Однако в этом случае мы ожидали бы появления в осетинском и других заимствований, отражающих фонетические особенности скифского, прежде всего вышеупомянутый переход d > l. Между тем, хотя фонема l в сарматском существовала, ни в одном слове прекрасно изученного и хорошо документированного осетинского языка нет l на месте иранского \*d. Отсюда следует, что в осетинском, resp. сарматском, не было скифского субстрата, а переход \*s > θ был характерен для некоего диалекта (или диалектов) югозападноиранского типа, на который независимо наложились скифский и сарматский. Скорее всего, это произошло еще на их прародине, хотя могло иметь место и в Восточной Европе.

Можно напомнить и о некоторых не отмеченных Витчаком фонетических особенностях скифского, отличающих его от сарматского. В скифском в начале

<sup>1</sup> Передними (или гласными переднего ряда) называются те гласные, при произнесении которых язык выдвинут вперед (например, русское *и* [i]), а задними (или гласными заднего ряда) — те, при произнесении которых язык оттянут назад (например, русское *а*). Читателю, не имеющему лингвистической подготовки, достаточно вспомнить правила чтения латинской буквы *s* в современных европейских языках: те гласные, перед которыми она обозначает звук [s], являются передними, а те, перед которыми [k] — задними. Разумеется, научная акустическая классификация гласных выглядит намного сложнее, но в данной статье нет смысла в нее углубляться. Полугласными, в свою очередь, называются звуки, сходные с гласными, но не образующие слога, вроде и краткого в словах типа «май».

<sup>2</sup> Имеется в виду то обстоятельство, что общеиранское (и индоиранское) \*s (из индоевропейского \*k<sup>2</sup>) давало в большинстве иранских языков s, а в т. н. «югозападноиранских», т. е. прежде всего в древнеперсидском, θ — ср. авестийское *raēs-*, древнеперсидское *raiθ-* (< \*paš-)<sup>3</sup> «красить, украшать» (родственны русским словам «писать», «пестрый»). Производное от этого корня со значением «вид, форма» отразилось в скифском языке как -πέθης, с «юго-западным» θ на месте обычного для восточно- и северозападноиранских языков s. Обычная восточноиранская форма того же слова отражена Геродотом (I, 211, 213) в имени массагета Σπαργαπείθης, соответствующем скифскому антропониму Σπαργαπείθης. Подробнее об этой фонетической особенности см. Абаев 1945; Грантовский 1970, с. 161–162.

<sup>3</sup> Подробнее об этимологии этих имен см. Кулланда, Раевский, 2004, с. 92 (со ссылками на литературу вопроса).

слова происходил переход  $*x\ddot{\chi} > s$ , характерный также для некоторых юго-восточноиранских языков, в частности, пашто (тогда как в сарматском начальное иранское  $*x\ddot{\chi}-$  неизменно отражалось как  $x\ddot{\chi}-$  — греческое  $\xi$ -, осетинское  $xs$ -). На эту особенность указывал уже Харматта (1951, пр. 308–309), который, правда, не связывал ее именно со скифским. Ее можно проиллюстрировать такими примерами ~~и я Tomaschek~~, как Σατραβάτης, имя собственное из фанагорийской надписи первой половины IV в. до н. э. (КБН 1066), где Σατρα- явно передает иранское  $*x\ddot{\chi}aθra-$  ‘власть’; Σάιοι < $*x\ddot{\chi}aya-$  ‘правитель, царь’, этоним, упоминаемый в ольвийском декрете в честь Протогена (IOSPE I<sup>2</sup>, № 32, А, стк. 34), повествующем о событиях конца III в. до н. э. (в тексте форма генитива Σαΐων), и, возможно, как отметил еще В. Томашек (Tomaschek, 1888, S. 721)<sup>1</sup>, бывший самоназванием Геродотовых «скифов царских» (οἱ βασιλίοι Σκύθαι, в тексте в родительном падеже, τῶν βασιλίων Σκυθέων — Hdt. IV, 20); Σαιταφάρνης < $*X\ddot{\chi}aitafarna-$ , «[Обладающий] блистательным (или «царственным») фарном» (о последнем понятии см. ниже), царь упомянутых сайев (Σάιοι) (в тексте во всех случаях опять-таки форма генитива Σαΐταφάρνου — А, стк. 10, 83). Следует еще раз отметить, что соответствующая надпись не может иметь отношения к сарматам, появлявшимся в западной части Восточной Европы, где расположена Ольвия, не ранее II в. до н. э.<sup>2</sup>

В отличие от сарматского и осетинского, в скифском не было метатезы  $\theta r > r\theta$ . В бесспорно скифских именах встречается только сочетание  $-tr-$ : ср. приводившееся выше Σατραβάτης и Σατράκης, имя царя азиатских скифов, упоминаемого Аррианом (Anab. IV, 4, 8).

Ввиду упомянутого выше перехода  $d > \delta > l$  требует объяснения появление в скифских словах интервокального  $-d-$  (или  $-\delta-$ ). Поскольку  $z$  в ассирийских передачах самоназвания скифов —  $ašguzāi$ ,  $asguzāi$ ,  $iškuzāi$  — соответствует греческому  $\theta$  в Σκύθαι и более позднему скифскому  $l$  в упоминаемом Геродотом самоназвании скифов Σκόλοτοι, т. е.  $*skula-ta$ , где  $-ta$  — показатель множественности, известный, например, из согдийского и осетинского<sup>3</sup>, кажется вероятным, что к началу скифских переднеазиатских походов, в VII в. до н. э., скифское  $*d$  уже превратилось в межзубный звонкий  $\delta$  [ð], который в ассирийском аккадском, где не было интердентальных фрикативных, передавался через сибилянт  $z$ <sup>4</sup>, а в греческом, где не было звонкого [ð], через глухой межзубный фрикативный  $\theta$ . Поскольку начальный гласный в аккадском является протетическим<sup>5</sup> (откуда разнобой в написании — то с начальным  $a$ -, то с начальным  $i$ - в асси-

<sup>1</sup> Подробнее об истории вопроса см. Куклина, 1985, с. 110, примеч. 77.

<sup>2</sup> Разумеется, греческая Σ- могла передавать иранское  $x\ddot{\chi}$ ; ср. греческое Σατράτης < т. н. «мидийского»  $x\ddot{\chi}aθra-$ . Однако, учитывая, что начальное  $X\ddot{\chi}-$  в записанных греческими буквами сарматских именах неизменно передается как Ξ [Ks], кажется вероятным, что переход  $*x\ddot{\chi} > s$  в начальной позиции в скифском все-таки произошел. В связи с этим любопытно вспомнить праславянское диалектное  $*šatriti$  «смотреть; блюстить», которое О. Н. Трубачев (1967, сс. 51–55) считал производным от заимствованного иранского  $*x\ddot{\chi}aθra-$  «власть». Если его этимология верна, то славянская форма отражает отмеченные выше скифские черты: переход  $x\ddot{\chi} > \delta$  и отсутствие метатезы  $-\theta r > r\theta$ .

<sup>3</sup> Что это именно показатель множественности, видно и из того, что у слова Σκόλοτοι в греческом нет единственного числа.

<sup>4</sup> Такая передача фонетически вполне объяснима: так же обычно поступают с английским звонким межзубным русские, не слишком хорошо овладевшие английским произношением.

<sup>5</sup> В аккадском, как и в других древнесемитских языках, слог не мог начинаться с двух согласных (см. об этом, например, Дьяконов, 1991, с. 80; специально об аккадской передаче иранских имен с начальным стечением согласных см. Грантовский, 1970, с. 73).

рийской и вавилонской традициях соответственно), самоназвание скифов на момент их первых контактов с ассирийцами и греками должно было звучать *\*Skuda* (из *\*Skuda*<sup>1</sup>), что в результате дальнейшего перехода *δ* > *l* не позднее V в. до н. э. (когда составлял свой «Скифский рассказ» Геродот) дало форму *\*Skula*, записанную Геродотом в виде Σκόλο- или Σκύλη- (в царском имени Σκύλης, т. е. «Скиф»)<sup>2</sup>. Однако, судя по приводимому Геродотом (I, 103) в форме Μαδύης имени скифского царя VII в. до н. э., в скифском одновременно существовал взрывной *d*, который не мог восходить к иранскому *\*d*. Этот факт можно объяснить переходом *\*-nt-* > *-d-*, засвидетельствованным для юговосточноиранских языков; ср. ѹидга *lad* «зуб» < *\*danta*, и т. п. (см. Эдельман 1986, стр. 163). В таком случае имя Мадий (Μαδύης) следует трактовать как рефлекс индоиранского *\*mantu* (ср. авестийское *mantu-*, древнеиндийское *mántu-* «советник; правитель»), отказавшись от общепринятой этимологии, выводящей его из *\*madu-* «мед» (ср. выше, примечание 15, о форме скифского слова «мед»).

Рассмотренные выше фонетические переходы, характерные для скифского, свидетельствуют, как кажется, что этот язык входил в ту же «юговосточноиранскую» группу языков, что и пашто, мунджанский, ѹидга и бактрийский, а с сармато-алано-осетинским был связан более отдаленным родством. Кроме того, и в скифском, и в сармато-алано-осетинском, видимо, был «югозападноиранский» субстрат — источник форм, в которых рефлексом общеиранского *\*s* было не регулярное *s*, а *θ*.

На основании уточненных фонетических соответствий между скифским и иными иранскими языками можно попытаться проанализировать до сих пор не объясненные скифские имена и пересмотреть некоторые общепринятые этимо-

<sup>1</sup> Возникает естественный вопрос: а что означало слово *\*Skuda*? Однозначного ответа у нас нет. Есть по меньшей мере три фонетически безупречных и семантически убедительных толкования, и неясно, какому из них отдать предпочтение. Согласно одному из них, впервые сформулированному Ф. Юсти (Justi, 1896–1904, S. 441; Szemerédy 1980, p. 21 и примеч. 44) (хотя, по мнению Семерены, идея носилась в воздухе и раньше) и поддержанному М. Фасмером, О. Семерены и В. И. Абаевым, слово это восходит к индоевропейскому корню со значением «стрелять» (ср. восходящие к тому же корню английское *shoot*, нем. *schießen* «стрелять», *Schütze* «стрелок») и означает «стрелок» — а скифы славились как стрелки из лука. Французский ученый Франсуа Корнильо (Cornillot, 1981) сопоставил слово *Skuda* с ваханским (ваханский — восточноиранский язык, распространенный в Таджикистане и Афганистане) *skid* «тюбетейка» (еще в недавнем прошлом, видимо, «остроконечная шапочка» — ср. Стеблин-Каменский, 1999, с. 312), которое фонетически закономерно восходит к *\*skauda*. При таком толковании самоназвание скифов означало бы «носящие характерные головные уборы», а известно, что в древнеперсидских надписях ближайшие родственники скифов, среднеазиатские саки, специально именуются «острошапочными» — тиграхуда. Наконец, О. Н. Трубачев (1999, с. 137, впервые опубликовано в 1980) предложил возводить самоназвание скифов к корню со значением «отрезать, отцеплять» (ср. английское *shear*, немецкое *scheren* «стричь», осетинское причастие *sk'ud* / *sk'ud* «рванный; лопнувший; треснутый»). В этом случае самоназвание «скиф» означало бы «отделившийся; отщепенец; изгой»; и типологически соответствовало бы самоназваниям казахов и русских казаков, восходящих к тюркскому слову с тем же значением «отделившийся; изгой». Этимология А. В. Назаренко (Назаренко, 1989), сближавшего скифское Σκολ- с общеславянским *\*xol-*, отраженном в русских словах «холостой», «холоп» и т. п., и германским *\*skal-k-s* «слуга, раб» (и в славянском, и в германском данной лексема первоначально была обозначением возрастной категории несовершеннолетней и оттого неполноправной молодежи), несостоятельна: как мы убедились, скифское *-l*, в отличие от славянского и германского, исконным не является, а восходит к иранскому *\*-d-*, которое не может соответствовать славянскому и германскому *-l*.

<sup>2</sup> Первым эту цепочку названий проследил О. Семерены в работе, опубликованной в 1947 году на венгерском языке. См. также Дьяконов, 1956, с. 242 сл.; Szemerédy 1980, pp. 16–23; Грантовский, Раевский, 1984, сс. 50–51).

логии. Так, ввиду преобладавшего в иранском ротализма (не считая некоторых звукоподражательных (?) слов вроде персидского *lab* «губа» и т. п.), обилие скифских имен, содержащих *l*, представляет определенную загадку. Если же считать, что скифское *l* происходит из иранского *\*d*, а скифское *d* — из иранского *\*-nt-*, становится возможным дать непротиворечивые этимологии ряда скифских имен. Об имени *Мадόης* было сказано выше. Имя скифского царя *Савлия* (Σαύλιος; Hdt. IV, 76) следует возводить к общеиранскому *\*saudya-* «(Ритуально) Чистый» (ср. древнеиндийское *sodhya-* «долженствующий быть очищенным»). Имя царя *Скилура* с тем же фонетическим переходом Σκίλουρος <*\*skidura-* означает «Режущий; Победоносный»<sup>1</sup>; имя его сына *Палака* (Πάλακος <*\*Pādaka*, ср. древнеперсидское *pāda* «нога» и т. п.) — «Ногастый; (Длинно)ногий»; ср. эпитет бога *Вайю* в Авесте (Yt. XV, 54): *bərəzi. rādō* «высоконогий»<sup>2</sup>. Имя *Паирісалаос*, встречающееся в ряде надписей из Крыма и с Таманского полуострова, обычно считается фракийским (см., например, Vasmer 1923, S. 47). На самом же деле это явно «скифизированная» форма боспорского царского имени *Перисад*, *Паирісабдης*. Видимо, вторичное *-d*-<*\*-nt-*, подобно первичному *\*d*<*\*d*, превратилось в *d*, а затем в *l*, хотя по сравнению с переходом в *l* первичного *\*d*<*\*d* этот процесс несколько «запоздал». С другой стороны, не исключено, что появление в скифском *l* на месте боспорского *d* могло явиться результатом гиперкоррекции, поскольку скифы, тесно контактируя с носителями иных иранских языков, не могли не замечать, что *d* этих языков в их собственном языке соответствует *l*.

<sup>1</sup> Ср. др.-инд. *chidura-* «режущий; уничтожающий»; относительно семантического развития ср. курдское *bîrā* «победоносный», букв. «режущий» — Цаболов, 2001, стр. с. 188–189). Впервые предложивший эту этимологию О. Н. Трубачев, будучи одержим идеей о присутствии индоарииев в Северном Причерноморье в скифское время, трактовал имя Скилура, несмотря на его типично юговосточноиранскую форму, как индоарийское. См. Трубачев, 1999, стр. 276–277.

<sup>2</sup> Грантовский, 1970, стр. 174–175 и примеч. 28. Выводу о переходе скифского *d* в *l*, казалось бы, противоречит форма упоминаемого Геродотом (IV, 76; 120; 126–127) имени скифского царя — Идан-фирс (Ίδάνθυρος), но соответствующее имя *Арриан* (Ind. V, 6) приводит в форме Ίνδάθυρης (хотя современные издатели «Индики» предпочитают без объяснений заменять в тексте Ίνδάθυρης на Ίδάνθυρος), поэтому Геродотова передача, возможно, неточна. Появление *d* в таких скифских именах, как *Игдампей* (Ίγδαμπταίς) (Яйленко, 1980, сс. 77–78, № 69, рис. 1) или *Октамасад* (Οκταμασάδης, Herod. IV, 80), на первый взгляд также противоречащее высказанному тезису, объясняется в случае с Игдампаем сочетанием согласных *γδ*, при котором, как и в современных юговосточноиранских языках, переход *d* > *l* не происходило (ср. идига *līydo* «дочь» из восточноиранского *\*duydag*; подробнее см. Эдельман, 1986, сс. 148–151). Второй случай либо объясняется сочетанием согласных *-zd-*, также препятствовавшим переходу *d* > *l* — ср. имя бактрийского кушанского божества *моζбооско*, первая часть которого восходит к слову *\*mazda-* (Эдельман, 1986, с. 106) или *\*mīždwan-* (Sims-Williams 1997) (см. также Harmatta, 1969, р. 359) (если возводить вторую часть имени Октамасада, как и имени божества Фами- или Фагимасада, — Herod. IV, 59, — к иранскому *\*mazda* — так у Миллера [1887, с. 131, с ошибочной ссылкой на Мюлленгофа] и Трубачева [1999, сс. 199–201]), либо в нем греческая дельта передает иранский *\*t* (если упомянутая вторая часть восходит к иранскому *\*mazata* — так у Мюлленгофа [Müllenhoff, 1892, S. 116] и Фасмера [Vasmer, 1923, S. 15], что, впрочем, кажется менее вероятным, поскольку озвончение глухих происходит относительно поздно, уже в сарматском).

<sup>3</sup> В качестве типологической параллели можно вспомнить приведенный Траском (Trask, 2000, pp. 53–54) пример испанских заимствований в баскском. Современные испанские слова, оканчивающиеся на *-ó*, заимствуются в баскский с изменением окончания на *-oi*: *avión* «самолет» превращается в *abioi*, *camión* «грузовик» в *kamioi*. С точки зрения современной баскской фонетики такой переход необъясним, поскольку окончание *-on* для баскского вполне обычно. Причина изменений — гиперкоррекция. Романские слова с окончанием *-one* (из латинского *-onem*), заимствованные в баскский, в результате последующего падения в этом языке интервокального *-n-* приобрели окончание *\*-oe*, превратившееся затем в *-oi*. Так, романское *\*ratone* «крыса; мышь» дало баскское *arratoi*, а романское *\*razone* «разум; право» — *arrazoi*. В то же время в испанском рефлексы соответствующих слов потеря-

Посмотрим, каким из перечисленных выше особенностей скифского языка противоречат общепризнанные скифские этимологии. Обратимся прежде всего к именам персонажей скифской генеалогической легенды о трех братьях, сыновьях первочеловека Таргитая — Липоксая (Лιπόξαις), Арпоксая ('Арпόξαις) и Колаксая (Κολάξαις) (Hdt. IV, 5–7). Еще П. И. Шафарик (1836, 236) отметил, что вторая часть имен трех братьев — -ξαις — есть не что иное, как иранское *хšaya* «власть» (Koncowka xais we gmenjch Lipoxais, Arroxais, Kolaxais gestit' zendické kšeio, staroassyr. cili západomed. (pélewské) khšaéhíé, nowopers. šah, t. král...), что представляется весьма и весьма правдоподобным. Куда сложнее обстоит дело с начальными компонентами всех трех имен. В. И. Абаев (1949, с. 242) сравнил первый элемент имени Арпоксая с осетинским *ar* «глубокий» (<\*āpra) и перевел все имя как «владыка вод» или «владыка Днепра»; Э. А. Грантовский (1960, с. 7) впоследствии предложил перевод «владыка глубины». Начальный элемент имени Колаксая В. И. Абаев (1949, с. 243) возводил к иранскому *х'ar* «солнце» и переводил как «Солнце-царь». Развивая гипотезу В. И. Абаева, Э. А. Грантовский (1960, примеч. 26) предположил, что Колá- восходит к иранскому *х'arya-* (с характерным аланским переходом *ri/ry > l*), а все имя следует переводить как «царь неба». Первый элемент имени старшего брата, Липоксая, который В. И. Абаев в работе 1949 года счел не поддающимся объяснению, Э. А. Грантовский (1960, с. 7–10) возводил к иранскому *ripa*, названию Рипейских гор, а также гор *par excellence*. В результате возникла стройная картина, согласно которой имена трех братьев отражали «представление о трех космических плоскостях: верхней — небесной, символизировавшейся солнцем, средней — надземной и нижней — водной или подземной» (Грантовский, 1960, с. 9). В дальнейшем этимологии имен персонажей скифской генеалогической легенды неоднократно приводились в подтверждение гипотезы о существовании в скифской мифологии представления о трех сферах мироздания. Увы, в данном случае нас ждет, по выражению Томаса Гексли, «величайшая трагедия Науки — убийство прекрасной гипотезы безобразным фактом» (The great tragedy of Science — the slaying of a beautiful hypothesis by an ugly fact). «Безобразный факт» в нашем случае заключается в том, что *абсолютно все* постулируемые при объяснении первых частей имен трех братьев фонетические переходы в скифском были *невозможны*. Метатезы *\*pr > rp* не происходило не только в скифском, но и в раннесарматском, о чем свидетельствует сарматское название Днепра, сохраненное в греческой форме Δάνατρις (скифы называли Днепр Борисфеном, Βορυσθένης), следовательно, первая часть имени Арпоксая не может восходить к слову *\*apra* «глубина». Не происходило в скифском и перехода *ri* в *li* или *ry* в *l*, что видно хотя бы из записанных Геродотом скифских имен: Ариапиф, Ариант, Орик, чьи греческие формы и иранские этимологии приведены выше. Следовательно, первая часть имени Липоксая не может восходить к иранскому *\*ripa*, а первый элемент имени Колаксая — к иранскому *х'arya-*. С исследователями сыграло злую шутку смешение разновременных языковых явлений: отмеченные ими фонетические процессы действительно происходили, но в гораздо более поздний период и в другом, хотя и родственном, языке. Сказанное не означает, что мы должны выплыть с водой и ребенка, отвергнув гипотезу о трехчастной мифологической модели мира в скифском — в пользу ее существования

ли конечный гласный и превратились соответственно в *ratón* и *razón*. Баски, заметив, что испанскому -óp в их языке часто соответствует -oi, начали в поздних заимствованиях из испанского заменять окончание -óp на -oi.

вания свидетельствуют, как будто, и иные данные (ср., например, Раевский, 1977, с. 119–123) — но нельзя привлекать в подкрепление оной — как и любой другой — гипотезы заведомо неверную этимологию имен персонажей скифского мифа. Это не праздный вопрос, поскольку исследователи, к сожалению, до сих пор склонны опираться именно на означенную этимологию. Так, Ю. А. Дзиццойты подкрепляет отстаиваемую им трактовку отдельных аспектов скифской мифологии утверждениями о том, что «имя Колаксая в переводе со скифского означает 'Солнце-царь'» (Дзиццойты, 2003, с. 116), а имя Липоксая «могло означать либо 'Гора-царь', либо — что менее вероятно — 'Земли царь'» (там же, с. 105). А. И. Иванчик в статье «Фрагмент скифского эпоса: „Колаксаев конь“ в „Парфении“ Алкмана» (Иванчик, 2004) вновь пишет о «Солнце-царе» Колаксае и «царе глубин, вод» Арпоксае, во многом строя на этом свое исследование, и, ссылаясь на работу Э. А. Грантовского, говорит о существовании скифского диалекта, для которого был характерен переход  $r > l$  перед  $i$ . По иронии судьбы и сам Э. А. Грантовский, и А. И. Иванчик из отмеченных первым фонетических особенностей скифского языка выбрали (следуя в этом за В. И. Абаевым) для дальнейшей интерпретации ономастического материала те, что были выделены ошибочно, не уделив должного внимания другому, как уже отмечалось, намного опередившему свое время наблюдению Э. А. Грантовского о переходе в этом языке (который Э. А. Грантовский считал одним из скифских диалектов) общеиранского  $*d$  в  $l$  (хотя в последующих работах Э. А. Грантовский трактовал факты скифского языка с учетом данного перехода — ср. выше о его этимологии имени Палака). Перед нами — очередная иллюстрация того, что в науке никому, даже самому великому ученому, нельзя верить на слово.

Разумеется, отвергнув господствующие в нашей науке этимологии, следует с учетом постулированных фонетических черт скифского языка предложить взамен свои или поддержать выдвинутые ранее, но не получившие широкого признания трактовки, что я и собираюсь сделать с той лишь оговоркой, что приводимые ниже этимологии (в первую очередь мои собственные) в дальнейшем наверняка будут не раз модифицированы.

Перейдем к анализу имен трех братьев из скифской генеалогической легенды. Учитывая индоиранский ротализм (в индоиранском, за редчайшими исключениями, индоевропейский  $*l$  перешел в  $*r$ ) и то, что перехода  $ri$  в  $l$  в скифском не происходило (ср. выше), первую часть имени младшего брата, Колаксая, следует возводить к общеиранскому слову с интервокальным  $*-d-$  и начальным  $*k-$  или  $*x-$ . Ф. Корнилью (1981а, pp. 9–11) первым предположил, что речь идет об иранском  $*xauda$  «шапка; шлем»; «Владыка шлемов» — вполне подходящее имя для родоначальника касты царей, resp. воинов. Правда, иранский дифтонг  $-ai-$  обычно передается греческой омегой (ср. древнеперсидское имя *Gaubaruva*, переданное по-гречески в виде *Γωβρύης*), но, возможно, в скифском безударный дифтонг произносился еще ближе к монофтонгу, чем в древнеперсидском<sup>1</sup>. В качестве параллели можно вспомнить прозвище (или подлинное имя) персидского царя Дария III — Кодоман (*Codomannus* — *Justini* 10, 3), которое можно трактовать как «Шлемоносец» —  $*Xaudamant-$ . Кроме того,

<sup>1</sup> О произношении дифтонга в древних иранских языках как звука, среднего между дифтонгом и долгим гласным, можно судить как раз по довольно обычной передаче древнеперсидских дифтонгов в греческом не соответствующими дифтонгами, хотя таковые в греческом имелись, а долгими (а иногда, как, скажем, в имени Ксеркса (*Ξέρξης*) — даже краткими) гласными, хотя, разумеется, есть и противоположные примеры — скажем, *Dārayava<sup>h</sup>u-* — *Δαρεῖος*.

как уже отмечал Корнильо, в иранских языках зафиксирован и более близкий к скифской форме вариант данной лексемы с начальным *k*-, монофтонгом в первом слоге и интервокальным *-l* — ср. среднеперсидское *kulāf*, новоперсидское *kulāh*, современное персидское *kolah* «шапка»<sup>1</sup> (скифское заимствование?)<sup>2</sup>.

Первый член сложного слова, каковым является имя среднего брата, Арпоксая, родоначальника, по всей видимости, земледельцев и скотоводов, может восходить к иранскому слову с начальным *a*- или *r* (*r* слоговым). Подходящего слова с начальным *a*- мне обнаружить не удалось<sup>3</sup>, зато корень с начальным *r* слоговым имелся в индоиранском и означал, видимо, «работать». От него в древнеиндийском было образовано слово *r̥bhu* «умелый». В иранском ему должно было соответствовать *\*arbu*. Можно предположить, что этому иранскому слову и соответствовал элемент 'Арпó- в греческой передаче. Разумеется, обычно иранское *-b*- передавалось греческой бетой, но встречаются и случаи передачи иранских звонких в сочетании согласных в инауге (середине слова) греческими глухими: Виндафарна (*Vi<sup>i</sup>ndafarna*, имя знатного перса, вместе с Дарием участвовавшего в заговоре против мага Гауматы, упоминается в Бехистунской надписи Дария — III. 84, 86, 88; IV, 83) — Интаферн (*’Intafern* или *’Intafernē*<sup>4</sup> — Hdt. III, 70, 78, 118–119). Относительно сочетаемости двух элементов имени ср. древнеиндийское *r̥bhuks̄hán* — «Владыка Рибху», эпитет ряда божеств. Имя со значением «Владыка умелых» вполне могло принадлежать родоначальнику производителей материальных благ.

Наконец, имя Липоксая может восходить только к иранскому этимону с начальным *\*d*<sup>5</sup>. В этом случае возможны две трактовки: первая часть имени вос-

<sup>1</sup> Среднеперсидская форма образована из *kula* + суффикс *āfa* (см. Bailey, 1979, p. 305), так что древнеперсидское *-xauda* и среднеперсидское *kulāf* в конечном итоге, видимо, восходят к одному праиранскому этимону.

<sup>2</sup> В современном персидском существует и регулярный рефлекс древнеперсидского *-xauda* — *hūd* «шлем; каска».

<sup>3</sup> Ф. Корнильо (1981a, p. 18) сближает первый элемент имени Арпоксая с древнеиндийским глаголом *agru* — «устанавливать, утверждать». Слабое место такой этимологии в том, что древнеиндийская форма является каузативом, образованным от корня *ar/t*. при помощи суффикса *-raya-*, а для иранского характерен лишь каузативный суффикс *-aya-*. Каузативные суффиксы с элементом, восходящим к *-r*, засвидетельствованы только в языках, прямо или опосредованно контактировавших с индоарийскими (хотанское *-ev*; ваханское *-[ы]v-*, *-[ы]w-/ovd-*, *owd-*; афг. *-aw-*; мунджаинское *-ov-* / *-evd-*; йидга *-iw-*; парачи *-ēw-*; ормури *-aw-*), и потому соответствующую прайформу обычно считают старым индоарийским заимствованием (Стеблин-Каменский 1999, с. 456). С другой стороны, есть основания полагать, что глагольный элемент *-r* не является индоарийским новообразованием, поскольку встречается, например, в литовском (Барроу, 1976, с. 334). Не исключено, следовательно, что и в скифском мы имеем дело с архаизмом, так что гипотеза Корнильо имеет право на существование. Впрочем, более перспективным представляется его же сравнение с авестийским корнем *tar* — «помогать, оказывать поддержку», который, видимо, не имеет отношения к древнеиндийскому *agru*, но вполне может быть связан чередованием *ar-/ra-/r̥-* (ср. Bailey, 1960, p. 76; Tremblay, 1998, pp. 198–201) со скифским *arp-* (ср. ольвийское личное имя 'Ратактс — Vasmer, 1923, S. 49).

<sup>4</sup> Встречающийся в рукописях вариант *’Intafernē*, которому отдают предпочтение современные издатели и переводчики Геродота, основан на народноэтимологическом сближении второй части персидского имени с греческим *φρήν* (множественное число *φρένες*) «грудь» (переносное значение «душа; ум»), употреблявшимся в основном во множественном числе. См. об этом Schmitt, 1967, S. 142.

<sup>5</sup> Ф. Корнильо предположил, что начальное *l* в имени Липоксая могло произойти из *\*t*, и, реконструируя прайформу как *\*Tiro-xāua*, возводил первый элемент имени к иранскому *\*təpor* «топор» (Cornillot, 1981a, pp. 44–45). Однако в афганском (пашто) (как и в прочих юговосточноиранских языках), на аналогичное фонетическое развитие в котором ссылается французский ученый, начальное *t*-никогда не переходит в *l* (переход имеет место только в положении между гласными) (Эдельман, 1986, сс. 164–165), да и многочисленные скифские примеры (хотя бы те же паралаты, сколоты и т. п.) свидетельствуют о сохранении иранского *\*t* во всех позициях.

ходит либо к корню со значением «сиять» (ср. древнеиндийское *dī* «сверкать, блестать»), либо к корню со значением «мысль», «мыслить» (ср. древнеиндийское *dhī* «мысль») с суффиксом *-ra* (или к варианту корня с элементом *-p* — ср. йидга *velivo* «молния» от корня \**daip-* «сверкать» — ЭСИЯ, 2, сс. 299–301). Таким образом, имя предводителя авхатов, бывших, по всей вероятности, жрецами, можно перевести как «Владыка блестательных» или «Владыка мыслящих».

Как я уже говорил, предлагаемые этимологии нельзя считать ни твердо установленными, ни фонетически и семантически безупречными. Их единственное преимущество перед общепринятыми состоит в том, что они не входят в неразрешимое противоречие со скифской фонетикой.

Фонетические особенности скифского языка имеют принципиальное значение и для изучения генезиса иранских представлений о фарне / хварне — царственном блеске, эманации божественного сияния, обеспечивающей государю власть, а его подданным благоденствие и процветание. Когда-то считалось, что хварна (*x<sup>v</sup>arenah*) — общеиранское понятие, но в отдельных языках начальный *x<sup>v</sup>-* перешел в *f-*. Затем возобладало мнение, что форма с начальным *f-* впервые возникла в мидийском, для которого был характерен переход *x<sup>v</sup>- > f-*, оттуда попала в древнеперсидский и в ахеменидский период распространилась по всему иранскому миру. В связи с этим нельзя не вспомнить наблюдение Э. А. Грантовского (1970, сс. 91, 98, 240–241, 224, 306 сл., 324, 325; 1998, с. 135) о том, что в клинописных источниках именно форма с начальным *p-*, правильно отражающим иранское *f-* (а не *x<sup>v</sup>-*, которое в ассирийских и эламских документах всегда передавалось иначе) зафиксирована задолго до возвышения Мидии, поэтому «мидийской» данная форма считается сугубо условно. В настоящее время представляется (хотя далеко не все с этим согласны), что авестийская форма *x<sup>v</sup>arenah* вторична и образована в порядке гиперкоррекции из заимствованного *farmah*, пехлевийская и персидская формы, отражающие начальное *x<sup>v</sup>-*, заимствованы из авестийского (тем более что в персидском имеется и форма с начальным *f-*), а все прочие языки отражают только начальное *f-* (см. подробнее Skjærvø 1983 — мнение о первичности формы с начальным *f-* этот автор не разделяет; Lubotsky 1998 — автор приводит остроумные лингвистические доводы в пользу вторичности авестийского *x<sup>v</sup>-*). Отсюда следует, что понятие (или, по крайней мере, слово для обозначения) фарна не было общеиранским, а распространялось из одного источника. Доказать, что таким источником был мидийский, невозможно, поскольку все случаи предполагаемого развития *x<sup>v</sup>- > f-* зафиксированы в так называемых «побочных традициях», *Nebenüberlieferungen*, т. е. в эламских и ассирийских текстах, где, за неимением в соответствующих языках фонемы *f*, она могла передаваться только через *p*. Соответственно практически каждый из немногочисленных примеров гипотетического перехода *x<sup>v</sup>- > f-* можно, возводя дошедшее до нас в иноязычной передаче слово к иному иранскому прототипу, трактовать и как пример передачи иранского *p* ассирийским или эламским *p*. В связи с этим А. М. Лубоцкий отверг традиционное возведение формы *farmā* к общеиранскому \**x<sup>v</sup>arenah*, и, сопоставив иранское слово с древнеиндийским *páriṇas* «полнота, изобилие, процветание», предположил, что первое распространилось по иранскому миру из какого-то языка, в котором начальный *p* перед гласным регулярно давал *f*. На основании того, что такой переход из всех иранских языков реально засвидетельствован только в сарматском и алано-осетинском, он сделал вывод о том, что такой переход был свойствен и восточноскифским диалектам, а слово *farmā* принесли и в восточноиранские области, где создавалась Авеста, и в Мидию в конце IX-начале VIII в. до н. э. скифы

(Lubotsky, 2002, pp. 191–195). К сожалению, и эта заманчивая теория не выдерживает критики с точки зрения фонетики скифского языка. Перехода  $p > f$  перед гласным в скифском не было и гораздо позже — ср. наименование скифских царей *Паралаты*, написанное Геродотом в V в. до н. э. Более того, его не было и раннесарматском, о чем говорят такие формы как *Поурθάκης* — явно из *\*riθtraka* «сынок» с поздней метатезой  $θr > rθ$ , но еще без перехода  $p > f$ . Таким образом, перехода  $p > f$  в интересующую нас эпоху не происходило даже в тех языках, чьей отличительной чертой он стал впоследствии, и возводить слово *farnah* к этимону с начальным *\*p*- неправомерно — по всей видимости, оно все-таки восходит к корню с начальным *x<sup>v</sup>*-<sup>1</sup>. С другой стороны, поскольку остается в силе утверждение о том, что данное слово распространялось из одного источника, этим источником следует считать язык, в котором *x<sup>v</sup>*- переходил в *f*, что заставляет вернуться к гипотезе о «мидийском» происхождении лексемы *farnah*: пусть нельзя строго доказать, что в мидийском, точнее, в каком-то из иранских диалектов на территории современного Ирана, имел место переход *x<sup>v</sup>- > f*, нельзя доказать и обратное, зато можно продемонстрировать, что ни для какого другого дошедшего до нас древнеиранского языка подобный переход не был характерен. В связи с этим надо полагать, что понятие «фарн» вошло в скифский язык во время пребывания его носителей в Передней Азии, что немаловажно в свете споров о генезисе скифской культуры.

Если обратиться к анализу собственно исторических сюжетов, нельзя не отметить, что сугубо скифский фонетический облик имен позднескифских царей Скилура и Палака (и в том, и в другом имени мы наблюдаем характерный переход *d > δ > l*, ср. выше) не подтверждает выдвинутую в последнее время гипотезу об отсутствии прямой генетической связи между классическими и поздними скифами (Зайцев, 1999) и подкрепляет мнение о преобладании собственно скифского элемента в позднескифском государстве по крайней мере до рубежа нашей эры (Высотская, 1979, с. 197)<sup>1</sup>.

Любопытно, что в некоторых случаях фонетические закономерности подтверждают этнические атрибуции древних авторов. Так, Геродотовы меланхлены (Μελάγχλαινοι, «[одетые в] черные плащи»), были убедительно отождествлены с савдаратами (Σαυδάραται, из иранского *saw-dar-a-ta*, «одетые в черное» — Vasmer 1923, S. 51), упомянутыми в известном ольвийском декрете в честь Протогена (IOSPE I<sup>2</sup>, 32) в числе прочих народов, населяющих Северное Причерноморье. Показательно, что такое объяснение этимологии этнонима «меланхлены» соответствует утверждению Геродота о том, что меланхлены — народ не скифский (IV, 20): ...Μελάγχλαινοι, ἄλλο ἔθνος καὶ οὐ Σκυθικόν («...меланхлены, племя иное, не скифское»), поскольку общеиранское *\*d* в скифском дало бы *l*.

Число примеров того, как модифицированные представления о фонетике скифского языка меняют устоявшиеся взгляды на мифологию, культуру и историю скифов можно было бы умножить, но, полагаю, приведенных материалов достаточно для того, чтобы побудить специалистов взглянуть на проблемы скифологии под новым углом зрения.

<sup>1</sup> См. об этом Кулланда, Раевский, 2004, с. 93, примеч. 67.

## ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И., 1935. *Alanica* // ИАН СССР, Отделение общественных наук, № 9 (Переиздано в: Абаев, 1949).
- Абаев В. И., 1945. «Древнеперсидские элементы в скифском языке» // Иранские языки I (Переиздано в: Абаев, 1949).
- Абаев В. И., 1949. Осетинский язык и фольклор. Том I. Москва.
- Абаев В. И., 1979. Скифо-сарматские наречия.— Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М. (слегка переработанный вариант раздела «Скифский язык» из книги 1949 года).
- Барроу Т., 1976 Санскрит. Перевод с английского Н. Лариной, редакция и комментарий Т. Я. Елизаренковой. М.
- Витчак К. Т., 1992. Скифский язык: опыт описания // ВЯ. № 5.
- Высотская Т. Н., 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев.
- Грантовский Э. А., 1960. Индо-иранские касты у скифов. Москва.
- Грантовский Э. А., 1963. Из истории иранских племен на границах Индии // КСИНА LXI.
- Грантовский Э. А., 1963а. Племенное объединение *Ratṣu-Ratṣava* у Панини // История и культура древней Индии. М.
- Грантовский Э. А., 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. Москва.
- Грантовский Э. А., 1975. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября — 6 октября 1968 г. Т. II. М.
- Грантовский Э. А., 1998. Иран и иранцы до Ахеменидов. М.
- Грантовский Э. А., Раевский Д. С., 1984. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.
- Дьяконов И. М., 1956. История Мидии. М.-Л.
- Дьяконов И. М., 1991. Аккадский язык. // Языки Азии и Африки. Т. IV, кн. 1. Афразийские языки. М.
- Дзиццойты Ю. А., 2003. Нартовский эпос и Амириани. Цхинвал.
- Зайцев Ю. П., 1999. Скилур и его царство: новые открытия и новые проблемы // ВДИ, 1999. № 2.
- Иванчик А. И., 2004. Фрагмент скифского эпоса: «Колаксаев конь» в «Парфении» Алкмана // ВДИ. № 2.
- Куклина И. В., 1985. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.
- Кулланда С. В., 2005. Еще раз о скифском языке // *Orientalia et Classica*. ТИВКА РГГУ. Вып. VI. Аспекты компаративистики 1. М.
- Кулланда С. В., Раевский Д. С., 2002. *Scythica sub specie Iranorum* (Скифская тематика в трудах Э. А. Грантовского) // ВДИ. № 4.
- Кулланда С. В., Раевский Д. С., 2004. Эминак в ряду владык Скифии // ВДИ, № 1.
- Миллер В., 1882. Осетинские этюды II. Москва.
- Миллер В., 1887. Осетинские этюды III. Москва.
- Назаренко А. В., 1987. К этимологии этнонима ΣΚΟΛΟΤΟΙ (Геродот IV, 6) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М.
- Полин С. В., 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.
- Раевский Д. С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.
- Стеблин-Каменский И. М., 1999. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.
- Трубачев О. Н., 1967. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М.
- Трубачев О. Н., 1999. *Indoarica* в Северном Причерноморье. Москва.
- Цаболов Р. Л., 2001. Этимологический словарь курдского языка. Т. I. М.
- Шелов Д. Б., 1974. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II-III вв. н. э. по данным танайской ономастики // ВДИ. № 1.
- Эдельман Д. И., 1986. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М.

- Яйленко В. П., 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. № 3.
- Bailey H. W., 1960. *Indagatio Indo-Iranica. Transactions of the Philological Society*. London — Hertford.
- Bailey H. W., 1979. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge.
- Bielmeier R. B., 1989.. Sarmatisch, Alanisch, Jassisch und Altossetisch. // CLI.
- Brandenstein W., 1953. Die Abstammungssagen der Skythen // WZKM. 52.
- Cornillot F., 1981. L'origine du nom des Scythes // IJ. vol. 23. Dordrecht / Boston.
- Cornillot F., 1981a. De Skythès à Kolaxais // SI. Tome 10, fasc. 1.
- Darmesteter J., 1883. *Etudes iraniennes*. Paris.
- Harmatta J., 1951. Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia // *Acta Orient. Hung.*, T. I, fasc. 2–3.
- Harmatta J., 1969. Late Bactrian Inscriptions // *Acta Ant. Hung.* XVII / 3–4.
- Henning W. B., 1939. Sogdian Loan-words in New Persian.— BSOS, vol. X, part. 1.
- Justi F. J., 1896–1904. Geschichte Irans von dem ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sāsānidēn // GiPh, Bd. 2.
- Livshitz V. A., 1970. Sogdian Alphabet from Panjikant // *W. B. Henning Memorial Volume*. London.
- Lubotsky A. M., 1998. Avestan x<sup>2</sup>arenah-: the etymology and concept // Meid (ed.) *Sprache und Kultur. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*. Innsbruck.
- Lubotsky A. M., 2002. Scythian elements in Old Iranian.— *Indo-Iranian Languages and Peoples. Proceedings of the British Academy*. 116.
- Marquart J., 1901. *Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i.* Berlin.
- Marquart J. 1905. Untersuchungen zur Geschichte von Īrān II. Leipzig.
- Minorsky V., 1930. *Transcaucasica*. // JA. Tome CCXVII. 1. 1930.
- Müllenhoff K. M., 1892 (1866). *Deutsche Altertumskunde III*. Berlin.
- Schmitt R. S., 1967. Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd. 117.. Wiesbaden.
- Schmitt R. S., 1989. Andere altiranische Dialekte // CLI.
- Sims-Williams N., 1981. The Sogdian Sound-system and the Origins of the Uyghur Script // JA. Tome 269.
- Sims-Williams N., 1989. «Sogdian» // CLI.
- Sims-Williams N., 1997. A Bactrian god // BSOAS. Vol. 60. Part 2.
- Skjærvø P. O. 1983. *FARNAH: : mot mède en vieux-perse?* // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. Tome 78. Fascicule 1.
- Szemerényi O., 1980. Four Old Iranian Ethnic Names: Scythian — Skudra — Sogdian — Saka // *Sitzungsberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. 371. Band. Veröffentlichungen der Iranischen Kommission. Band 9.
- Tomaschek W., 1888. Kritik der ältesten Nachrichten über den Skytischen Norden // *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 116. Wien.
- Trask L., 2000. Some issues in relative chronology // *Time Depth in Historical Linguistics. Volume 1*. Cambridge.
- Tremblay X., 1998. Sur *parsui* du Farhang-i-Φim, *ratu-*, *pərətu-*, *pitu-* et quelques autres thèmes avestiques en -u. Essai de grammaire comparée des langues iraniennes III // SI, Tome 27. Fasc. 2.
- Vasmer M., 1923. *Die Iranier in Südrussland*. Leipzig.
- Zgusta L., 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung. Praha.